

Отвечая на вопрос о том, какая это была Русь, Васильевский высказывает предположение, что ею в равной мере могла быть Русь Приднепровская или Тмутараканская, но не славянская и никак не скандинавская, а готская; в результате готская теория происхождения Русского государства представляется ему более подходящей, чем скандинавская⁴⁵.

Сколько-нибудь полное обозрение работ Васильевского о русско-византийских отношениях здесь, разумеется, невозможно. Подчеркнем, однако, что всем им присуща общая тенденция, один тезис, успешно отстаиваемый автором: отношения Руси и Византии, мирные и враждебные, происходили не где-то, на “краю ойкумены”, вдали от “стобовой дороги истории”, а активно воздействовали на ситуацию в Европе, составляли интегральную часть общеевропейского исторического процесса. Особенно ярко это показано Васильевским в работе “Союз двух империй”, в которой ученый вскрывает причины и следствия участия в войне Византии с Венгрией Киевской Руси (на стороне Венгрии) и Галицкой и Ростово-Руздальской (на стороне Византии)⁴⁶.

Среди трудов Васильевского по международным отношениям необходимо упомянуть о работах по истории южных славян. Снова неожиданную актуальность, спустя сто лет, обрела его полемика с Д.И. Иловайским об основных занятиях и культурном облике древних славян. Он решительно отбрасывает идею своего оппонента об изначальном кочевничестве славян, обращает внимание на бесспорные данные источников (не зная, разумеется, не менее бесспорных свидетельств последующих массовых археологических изысканий) о том, что славяне с момента их появления на арене истории предстают как оседлые земледельцы. Земледелие, пишет ученый, “признак не случайный... нельзя по произволу переходить от одного состояния к другому... народы известного племени достигают более высокой степени вместе и сообща и уже с нее не сходят вниз”⁴⁷. Вся история (начальная и последующая) славянства, быт, характер его культурного и этнического облика – все приходит в неразрешимое противоречие с допущением Иловайского, трактовка которого не имеет никакой опоры во всем том, что знает наука о путях культурного развития индоевропейских народов, к которым принадлежали и славяне⁴⁸. Если когда-то из предки и пережили кочевническую стадию, то в письменных памятниках она уже не нашла никакого отражения⁴⁹.

Касаясь истории южных славян, Васильевский уделял особое внимание Болгарии и болгарам, нередко проводя при этом мысль о том, что периоды острой вражды между ними и византийцами (с разной долей вины обеих сторон в разное время) дурно отражались на развитии обеих стран. Завоевание Болгарии Василием II Болгаробойцей в 1018 г., стоившее огромных жертв и затраты громадных сил, было, по его мнению, трагической ошибкой Византии. Империя собственными руками разрушила достаточно прочный барьер между своими границами и “дикой” северочерноморской степью, открыв ворота кочевникам в глубь своих балканских владений⁵⁰.

Борьбу болгар за восстановление своей государственности, увенчавшуюся созданием Второго Болгарского царства, Васильевский считал вполне закономерной и естественной, хотя эта борьба означала новый период острых раздоров (прискорбных, по нравственным понятиям ученого) в пределах православного мира. Характер-

⁴⁵ *Васильевский В.Г.* Труды. Т. III. С. ССLXXXII–ССLXXXIII.

⁴⁶ *Васильевский В.Г.* Союз двух империй (1148–1155 гг.) // Славянский сборник. Т. II. С. 187 (Труды. Л., 1930. Т. IV. С. 18–138).

⁴⁷ *Васильевский В.Г.* О мнимом славянстве... С. 148.

⁴⁸ *Васильевский В.Г.* Еще раз о мнимом славянстве... С. 383.

⁴⁹ Там же. С. 383, 391.

⁵⁰ *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги... С. 7.